

УДК 930.1:001.11

С. И. Маловичко

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИЙ ИСТОРИИ ИСТОРИИ В СИСТЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

В статье рассматривается вопрос о трансформации функций истории истории в соотнесении с общим процессом смены и сосуществования моделей научного знания: классической, неклассической, постнеклассической и неоклассической. Автор обратил внимание на актуальные для той или иной модели исторической науки функции истории истории: критическую, методическую, деконструкции, понимания, системности, этическую и экспертную.

Ключевые слова: модель исторической науки, история истории, функции истории истории.

В данной статье мне представляется важным рассмотреть вопрос о трансформации функций истории истории в соотнесении с общим процессом смены и сосуществования моделей научного знания: классической, неклассической, постнеклассической и неоклассической. Понимая, что знание вообще многофункционально, я обращаю внимание на те функции истории истории, которые являлись актуальными в тот или иной период ее истории и были связаны с потребностями, актуализируемыми тем или иным типом рациональности.

Хочу отметить, что в этой статье я не буду говорить о т.н. проблемной историографии, в виду того, что из-за научной формальности она часто выполняется не специалистами в области истории истории и, значит, этот вопрос лучше рассматривать отдельно.

Классическая модель исторической науки

Уже с конца XVIII в. исследователи, актуализировавшие вопрос о рациональной, а потом и научной критике работ историков стали

придавать истории истории *критическую функцию* (А. Л. Шлецер, М. Т. Каченовский, С. М. Строев, О. М. Бодянский, А. З. Зиновьев, А. Ф. Федотов и др.), которая, не просто как родимое пятно, а как важнейшая составляющая историографического анализа – видоизменяясь, – останется с ней навсегда.

В классической модели исторической науки, в ее позитивистской составляющей (являясь вспомогательной по отношению к национально-государственному нарративу), история истории выполняет еще и *методическую функцию* (я употребляю эту понятие, как наиболее соответствующее выполняемым задачам и наименее коннотативно нагруженное в отличие от понятий «инструментальная» или «прикладная»), предполагающую, что знакомство с историей истории позволит лучше понять, что сделали, а что еще не успели сделать историки (т.е. «восполнить пробелы»). Согласно такому восприятию истории истории, К. Н. Бестужев-Рюмин отмечал, что важно «представить результаты, добытые русской исторической наукой в полтораста лет ее развития, указать на пути, которыми добывались и добываются эти результаты...» [2, т. 1, с. I, 208–246]. Это же правило в конце 70-х годов XIX в. рекомендовал использовать Г. Г. Зерффи (1820–1892), замечая, что тем самым, мы помогаем приобщающимся к изучению этого предмета извлекать уроки из практики исторических исследований [29, р. XI, XIII].

Отношение к истории истории, как к «копилке» историографического опыта чаще всего вынуждало исследователей осуществлять эмпирическое исследование, в котором проявлялся еще и холизм, свойственный классической модели историографии. Например, В. С. Иконников указал, что подготовленная им работа, есть ««материалы» для будущей историографии» и, в чисто позитивистском духе, добавлял, что точность исторического исследования и прочность вывода историка зависят от признания «общих постоянно действующих законов» [5, т. 1, кн. 1, с. V–VI, 26]. Классикой эмпирического исследования в области истории истории, я думаю, можно признать работу Х. Е. Барнса о прогрессе историописания. Историк выполнил ее с эрудитской аккуратностью, включив около 2000 имен европейских (в том числе российских) и американских историков. Несмотря на несколько попыток связать прогресс историографических традиций (которые он

прослеживал с XVIII в.) с философскими идеями, его объяснения утонули в громаде эмпирических данных (по сути, в аннотируемой библиографии) [20].

Так как, в основе представлений об историческом процессе лежала теория «однолинейного прогрессизма», базировавшаяся на механизме, объясняющем развитие общества законами механической формы движения [11, с. 105], историки смотрели на историю «научного» (единственно верного) изучения прошлого, как на преодоление различных, ошибочных попыток предшественников изучать историю. М. В. Довнар-Запольский, исследуя русскую историографию, отмечал отрицательное значение для науки «скептической» школы и славянофилов [4, с. 245–267]. *Критическая функция* истории истории по отношению к изучаемым произведениям историков усиливается в советской историографии. Например, М. Н. Покровский подчеркивал, что кроме «западников, «славянофилов» и народников в русской историографии до марксистов не было ничего оригинального [17, с. 101–117].

Надо отметить, что советская историческая наука являлась одной из разновидностей классической модели исторического исследования. По мнению А. В. Лубского, – главное, что ее с ней объединяло, – это «стремление к получению объективно-истинного знания» [11, с. 105–106]. Советская историография ставила задачу дискредитации домарксистских и немарксистских исторических исследований, поэтому, кроме взглядов русских революционеров-демократов – вершины «исторической науки в домарксистский период», редакторы первого тома «Очерков истории исторической науки в СССР», не находили у всех остальных историков, отнесенных к «донаучному периоду» («когда история, несмотря на свои отдельные достижения, еще не стала подлинной наукой») прогрессивных идей [15, с. 11]. Во второй половине 80-х гг. XX в. ответственный редактор «Историографии истории Украинской ССР» И. С. Хмель отмечал, что «дореволюционная историография предстает как *предыстория подлинно научного изучения истории* Украины (курсив мой. – С.М.), развернутого советскими историками на основе марксистско-ленинской методологии» [6, с. 9].

Критическая функция (как доминирующая) была присуща работам по истории истории, выполненным в Западной Европе и в США. М. Бенгли отмечает, что в XX в. у критического направления

был «специфический аромат», т.к. историки критиковали своих предшественников за то, что те рассматривали прошлое «не так как надо», за «уклонение от истины», манипуляцию фактами, за «некомпетентность». После этого критики делали вывод, что только теперь исследования историков становятся «правдивее», а они сами избегают ошибок, которые совершали «экстравагантные предшественники». Таким образом, по мнению Бентли, историография превратилась в исследование ошибок, а «результат такой самопрезентации оказался губительным для предмета», – если современные историки пишут «правильно», а предшественники были «неправы», то какой смысл беспокоить себя и других Н. де Кондорсе, Т. Моммзенем и пр. [22, р. XI–XIII]

Неклассическая модель исторической науки

Несмотря на предпринимавшиеся историками XIX в. попытки критики трудов предшественников и современников, история истории как рефлексия о процессе *конструирования истории* возникает вместе с появлением неклассического типа рациональности. Появившийся скептицизм по отношению к закономерности исторического процесса и его однонаправленной линейности способствовал пересмотру теоретической схемы позитивизма, а затем и вообще отказу от него. Рефлексия о критериях отбора исторических «фактов» позволила обратить внимание не на единственную (правильную) систему культурных и иных ценностей, действовавших в прошлом, а на несколько таких систем, между которыми надо найти связи. История истории остается критической, но эта роль все больше приобретает функцию *деконструкции*.

Неприятие П. Н. Милюковым эмпирической сути позитивизма (но не окончательный с ним разрыв) позволило историку обратить внимание не на одно, а на несколько главных течений «русской исторической мысли [...], которые толкали эту мысль вперед, расширяя и углубляя ее главное русло». Как можно заметить, концепция историка еще основывается на прогрессизме. Однако Милюков уже не отмечает *дополняющую* к национально-государственной истории функцию истории истории, а старается объяснить развитие исторической мысли развитием науки и культуры [13, с. 1–2].

Неклассический тип рациональности способствовал тому, что историки делают попытки осмыслить разные практики

историописания, чтобы организовать и/или систематизировать отдельные виды исторических исследований. Так, уже с начала XX в. исследователи начинают систематизировать историографический материал по направлениям исторической науки, например: военная, социальная, политическая, социологическая и другие истории [25, р. 3–12]. Такая практика получает дальнейшее распространение в исторической науке.

В рамках неклассической модели исторической науки (в ее советской разновидности) происходило изменение не только функций, но и статуса истории истории. В 60–70-х гг. XX в. шло ее превращение из вспомогательной исторической дисциплины в специальную дисциплину исторической науки (такой же процесс, как отмечает М. Бентли, в это время проходил в западноевропейской и американской историографии [21, р. IX]), и такая трансформация была связана с рефлексией историков о теоретической базе истории истории, ее предмете [14], но в первую очередь, с появлением научных исследований (статей и монографий) в которых позиционировался новый объект историографического исследования – собственная история. Началось конструирование истории историографии (или, как не совсем удачно пробовал ее называть С. О. Шмидт – историографии историографии). Таким образом, дисциплине была придана новая функция *саморефлексии* [9; 8].

Постнеклассическая модель исторической науки

Новая модель характеризуется вниманием к языку и текстам, актуализацией проблем исторического нарратива и исторической репрезентации. Конечно, тут нельзя не вспомнить, знаковую работу Х. Уайта «Метаистория». Под влиянием парадигмальных «поворотов» происходит существенная трансформация предмета истории истории, ее проблематики, концептуального и понятийного аппарата. Исследователи обращают внимание на проблемы взаимодействия историописателей и общества («историческую культуру историков» и «историческую культуру остальных людей» [3, с. 343–371]), на «ступени и форму исторической культуры» и эволюцию исторического сознания в связи со сменой типов культуры [1, с. 6].

На гносеологическом уровне историки признали равноправие разных моделей познания, типов рациональности и стилей мышления, культурный плюрализм и самоценность как интеллектуальной, так

и «низовой» или массовой культуры. Например, М. С. Филлипс предложил изучать производство истории в XVIII в. как систему сосуществующих и связанных «жанров» (он не игнорирует те жанры исторической литературы, которые в науке привыкли называть «неисторией»). По его мнению, система динамична и изменяется не столько от потребностей науки, сколько от меняющихся запросов читающего общества [24, р. 8–21, 343].

В связи с актуализацией проблем глобализации и культурной множественности историки стали осмысливать и систематизировать историографический материал уже не столько по направлениям, а по моделям (традициям) исторического знания: западная (европейская), восточная – арабо-исламская, индо-буддийская и т.д., проявляя большее внимание к множественности практик обращения к прошлому и сравнению их с западной традицией [27; 25].

Знаковой для постнеклассической исторической науки конца XX века становится проблематика социальной / исторической памяти, истории как памяти, что стало выводить историческое познание и историографические исследования на полидисциплинарный уровень и включать их в максимально широкие и разнообразные социокультурные контексты. История истории, как и прежде, выполняет функцию *деконструкции*, но уже не столько исторической науки, сколько исторического знания и связанной с ним исторической памяти, предлагая их *понять*.

С конца XX в. история истории окончательно перестает дополнять национально-государственную или всемирную историю (я имею в виду научные исследования, а не учебную литературу), неслучайно, исследователи признают, что «происходит революция в статусе и содержании историографии» [см.: 21, р. VIII], что идет «процесс превращения историографии в самостоятельную научную дисциплину», которая необходима уже не только историкам [см.: 16, с. 75–76]. В интеллектуальной истории – предметном поле постнеклассической исторической науки все активнее изучается история исторической культуры, которая включает не только произведения историков, но весь комплекс представлений о прошлом и способы его репрезентации) [19, с. 372–410]. Историки стали целенаправленно *конструировать* исторические объекты, которые теперь выступают в качестве самостоятельного предмета исследования. Как мы уже писали, предметные поля современного

научного исторического знания преодолевают классическую дисциплинарную модель науки, поскольку имманентно предполагают полидисциплинарность, т. е. конструирование своего предмета / проблемы средствами разных научных дисциплин, и междисциплинарность, т. е. использование исследовательских практик различных гуманитарных и социальных наук [12, с. 115].

Неоклассическая модель исторической науки

Современная ситуация характеризуется все большим размежеванием разных типов исторического знания: социально ориентированного и научного. Происходит актуализация неоклассической модели исторической науки, пытающейся преодолеть постмодернистскую эпистемологическую анархию. Она критикует неупорядоченность исторического знания, стремится прояснить многообразие реальности, а на вызов постмодерна социальному статусу исторической науки отвечает защитой профессиональной составляющей исторического знания [11, с. 256–339]. Неоклассическая модель науки ведет поиск *строгих научных* оснований профессиональной деятельности историков и рефлексии о новых познавательных возможностях истории.

Истоки неоклассической рациональности, присутствует в рефлексии об истории истории у некоторых исследователей еще начала XX в. В первую очередь – у представителя русской версии неокантианства А. С. Лаппо-Данилевского. Основным принципом в подходе к истории истории ученого нужно признать – *системность*, которая придает строгость научному знанию. Лаппо-Данилевский старался определить место истории истории в системе наук (не только исторических) и наметил ее связь с историей философских идей. Он отмечал разницу между историческими и историографическими источниками, а также предупреждал о недопустимости смешивать научную историю с националистическими и другими идеями, не имеющими отношения к науке [см.: 8, с. 72, 83, 94–95].

Находившийся под влиянием неокантианства Б. Кроче, сформулировал принцип, схожий с принципом Лаппо-Данилевского. В рассуждениях итальянского историка также можно выделить *функцию системности* истории истории. Во-первых, он предложил разграничить историю истории и «истории практических явлений, или социально-политического духа» (надо заметить, что в рамках истории истории этим грешили и грешат до сих пор, как зарубежные,

так и отечественные историки). По его мнению, социально-политические истории, – «это не историография, а актуальные истории». Во-вторых, Кроче считал, что исследователи должны выявлять научную историографию, которая боролась «против научно-несостоятельных историографий» [10, с. 103–106].

Сегодня специалисты в области истории истории все чаще говорят о новой, «более сложной, но безусловно, более точной версии такой истории» [28], о том, что «вытесняемые» за ненаучность (политические, правовые, этические вопросы) нужно вернуть в круг историографических проблем, но не затем, чтобы разбавлять ими научную историю, а для их деконструкции [23, р. 33]. Историки рефлексируют о трансформации самой критической функции истории истории, которая должна быть *этической*, основываться на понимании и объяснении, что позволит обратить внимание на профессионализацию дисциплинарной историографии, профессиональную этику историков, а в конечном итоге, – на проблему социальной ответственности последних [18].

Рефлексия о неоклассической модели исторической науки, об истории как *строгой науке* позволила Научно-педагогической школе источниковедения (сайт Источниковедение.ru) [7] актуализировать формирование предметного поля – *источниковедение историографии* в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории. В данном предметном поле мы рассматриваем проблемы способов презентации и позиционирования исторического знания (научного и социально ориентированного) и соответственно, применения источниковедческого подхода для выявления типов исторического знания и последующей видовой классификации историографических источников (произведений историков). На мой взгляд, в данном случае, источниковедение историографии выполняет не только функцию *системности* и *этическую* функцию, но еще и *функцию экспертную*, столь необходимую в ситуации, когда ширится состав субъектов, располагающих возможностью позиционирования того или иного взгляда на прошлое.

1. Барг М. А. Эпохи и идеи: Становление историзма. – М., 1987. – 348 с.
2. Бестужев-Рюмин К. [Н.] Русская история : в 2 т. – СПб., 1872–1885.
3. Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. – М., 2002. – 496 с.
4. Довнар-Запольский М. В. Исторический процесс русского народа в русской историографии // Из истории общественных течений в России : Статьи проф. М. В. Довнар-Запольского. – К., 1910. – С. 245–267.
5. Иконников В. С. Опыт русской историографии : в 2 т. – К., 1891–1908. – Кн. 4.
6. Историография истории Украинской ССР / отв. ред. И. С. Хмель. – К., 1986. – 556 с.
7. Источниковедение.ru: страница науч.-пед. школы [Электронный ресурс] / редкол. : Д. А. Добровольский и др. – Электрон. дан. М., сор 2010–2013. – Режим доступа : <http://ivid.ucoz.ru/>, свободный.
8. Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. – М., 1983. – 220 с.
9. Колесник И. И. Исследование отечественной историографии в трудах В. И. Шевцова // Актуальные историографические проблемы отечественной истории XVII–XIX вв. : сб. науч. тр. – Днепропетровск, 1982. – С. 154–166.
10. Кроче Б. Теория и история историографии. – М., 1998. – 192 с.
11. Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. – М., 2005. – 352 с.
12. Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. Структура исторического знания: от дисциплинарности к полидисциплинарности // Стены и мосты: междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории : материалы междунар. науч. конф., Москва, РГГУ, 13–14 июня 2013 г. – М., 2014. – С. 109–117.
13. Милоков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. – М., 1897. – Т. 1. – 319 с.
14. Нечкина М. В. История истории (некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. Историография истории СССР. – М., 1965. – С. 6–26.

15. *Очерки истории исторической науки в СССР* : в 5 т. – М., 1955–1985. – Т. 1. – 693 с.
16. *Пікалов В. Г., Посохов С. І. Історіографія як наукознавча дисципліна // Історична наука на порозі ХХІ століття: підсумки та перспективи : матеріали Всеукр. наук. конф. (м. Харків, 15–17 листопада 1995 р.). – Х., 1995. – С. 72–76.*
17. *Покровский М. Н. Как и кем писалась русская история до марксистов // Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов (историографические очерки, критические статьи, заметки) : в 2 вып. – М. ; Л., 1933. – Вып. 1. – 329 с.*
18. *Посохов С. И. «Своевременные размышления» о теориях памяти, типах культуры и смыслах истории // Харківський історіографічний збірник. – Х., 2013. – Вып. 12. – С. 6–23.*
19. *Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М., 2011. – 560 с.*
20. *Barnes H. E. History its Rise and Development : A Survey of the Progress of Historical Writing from its Origins to the Present Day. – N.Y., 1919 [Reprinted from the 1919 ed. of the Encyclopedia Americana]. – P. 205–264.*
21. *Bentley M. Modern Historiography : An Introduction. Contributors. – L., 1999. – 182 p.*
22. *Bentley M. General Introduction : The Project of Historiography // Companion to Historiography / ed. by M. Bentley. – N.Y., 1997. – P. XI–XVI.*
23. *Lorenz C. History and Theory // The Oxford History of Historical Writing : in 5 vols. – N.Y., 2011. – Vol. 5 : Historical Writing Since 1945 / eds. by A. Schneider, D. Woolf. – P. 13–35.*
24. *Phillips M. S. Society and Sentiment : Genres of Historical Writing in Britain, 1740–1820. – Princeton, 2000. – 569 p.*
25. *The Oxford History of Historical Writing : in 5 vols. – N.Y., 2011–2012.*
26. *Vincent J. M. Historical Research an Outline of Theory and Practice. – N.Y., 1911. – 368 p.*
27. *Woolf D. Historiography / Daniel Woolf // New Dictionary of the History of Ideas : in 6 vols. – Farmington Hills, 2005. – Vol. 1. – P. XXXV–LXXXVIII.*

28. *Wolff D.* Rezension zu : Berger, Stefan; Lorenz, Chris (Hrsg.) : The Contested Nation. Ethnicity, Class, Religion and Gender in National Histories. – Basingstoke, 2008 // H-Soz-u-Kult [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Berlin, cop 2011–2014. – Режим доступа : <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/rezensionen/id=11324/>, свободный.
29. *Zerffi G. G.* The Science of History. – L., 1879. – 802 p.

Маловичко С. І. Трансформація функцій історії історії в системі історичної науки

У статті розглядається питання про трансформацію функцій історії історії у співвіднесенні із загальним процесом зміни і співіснування моделей наукового знання: класичної, некласичної, постнекласичної і неокласичної. Автор звернув увагу на актуальні для тієї чи іншої моделі історичної науки функції історії: критичну, методичну, деконструкції, розуміння, системності, етичну та експертну.

Ключові слова: модель історичної науки, історія історії, функції історії історії.

Malovichko S. I. Transformation of functions of history of history in system of a historical science

In this paper, the question on transformation of functions of history of history in correlation with the general process of change and coexistence of models of a historical science is considered: classical, nonclassical, postnonclassical and neoclassical. The author has paid attention on actual for this or that model of a historical science of functions of history of history: critical, methodical, deconstructions, the understanding, systematic, ethical and expert.

Keywords: model of historical science, history of history, functions of history of history.